

А. Г. Болебрух

ИСТОРИОГРАФИЯ – ДИСЦИПЛИНА-ИЗГОЙ?

Статья посвящена проблеме роли и места историографии в структуре современной отечественной исторической науки. Дан анализ точек зрения исследователей, которые предмет историографии сводят к теории и методике познавательного процесса. Приведены мысли В.И. Вернадского о задачах истории науки и рассмотрена их важность для нового понимания функций историографии.

Ключевые слова: предмет и функции историографии, современная отечественная историческая наука, В.И. Вернадский.

Более полувека назад историография в структуре исторической науки занимала одно из первостепенных мест. Она тогда вошла в качестве обязательной дисциплины в учебные планы исторических факультетов, в университетах возникли соответствующие кафедры, ВАК ввел особую специальность в перечень научных степеней и т.д. В периодических изданиях в 1960–1970-х годах состоялась плодотворная дискуссия о предмете и задачах рождающейся отрасли исторической науки. За минувшие десятилетия защищено большое количество диссертаций, изданы монографии, учебники и учебные пособия. Свое положительное влияние на характер и уровень научно-исторических исследований оказали систематические историографические обзоры, появлявшиеся в академических журналах. Развертывание историографических разработок заметно стимулировало методологические изыскания в ряде научно-образовательных центров страны (Москва, Ленинград, Новосибирск, Томск, Казань, Киев, Харьков, Днепропетровск и др.).

Целевое предназначение историографии четко изложил один из инициаторов новой отрасли исторической науки А. М. Сахаров. «История исторической науки, – писал он в 1973 г., – во-первых, существенно углубляет познание истории духовной культуры и общественно-политической жизни, во-вторых, оценивает

научный багаж прошлого, его значение для определения путей изучения истории на современном этапе, в-третьих, раскрывает закономерности развития научного познания. Этим определяется важнейшее место истории исторической науки в системе этой науки в целом» [8, с. 127].

Словом, появление новой дисциплины, можно признать, заметно оздоровило положение в исторической науке, постепенно вырабатывая критерии подлинной научности. Но чем дальше, тем больше творческая мысль упиралась не только в идеологические, но и методологически-философские догмы и потому она не могла удовлетворительно, а главное – свободно ответить на познавательные вызовы времени.

Обстановка в социально-гуманитарных науках начала медленно меняться во второй половине 1980-х годов, в эпоху так называемой Перестройки. К 1990-м годам выяснилось, однако, что руководство государства рассчитывало несущественными «подчистками» разрядить социальное напряжение. Оно не учло радикализацию общественного сознания под воздействием развернувшейся политики гласности, познакомившей широкие народные массы со множеством неизвестных ранее страниц отечественной истории. «Белые пятна» заполнялись в основном острокритическим материалом по советскому периоду, что делало мало возможным эволюционно-мирное расставание с социализмом и всей его «надстройкой».

В сложившейся ситуации теряли доверие ранее незыблемые принципы и методы научно-исторического познания, в частности, навязшие буквально в зубах принципы партийности и непогрешимости «первоисточников». Немало преподавателей и учителей, научных сотрудников, журналистов и т.д. заподозрили всю прежнюю теоретико-методологическую базу советской исторической науки в примитивности и заидеологизированности.

Поиск выхода вначале привел к естественному решению: обратиться к документам, прежде всего упрятанным архивным, а также к ознакомлению с дореволюционным наследием (Н. Карамзин, С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Костомаров, П. Милюков, С. Платонов, М. Грушевский и др.). Вскоре запал потух: стало ясно, что усвоение этого наследия требует долгой и глубокой профессиональной подготовки.

Попытки найти все же ответ на бессмертный вопрос «Что делать?» все чаще приводили к превознесению зарубежного исследовательского опыта. Историки начали все больше и больше увлекаться различными течениями европейской и американской науки (от фрейдизма и неокантианства до феноменологии, постмодернизма и их разновидностей). Поначалу это давало некоторые положительные результаты в обновлении приемов и способов познания прошлого. Спустя некоторое время вырисовались и негативные стороны заимствованных инструментов, поскольку они не совсем соответствовали духовной природе нашего населения и связанной с ней специфике исторического процесса. За непродуманным нагромождением усложненной и мало кому понятной терминологии на втором плане оказались такие основоположные идеи научного познания, как истина и достоверность. Их причислили к относительным (то есть субъективным) категориям.

Здесь нет необходимости называть конкретные фамилии, названия книг, а тем более вступать в полемику с изложенными там точками зрения. Отмеченные черты не редкость, каждый желающий сможет легко удовлетворить свое любопытство, взяв в руки какой-либо специализированный журнал, сборник статей или заглянув в Интернет. Да и речь у нас идет не о критике тех или иных тенденций в исторической науке.

Вернемся к институциональному призванию историографии, то есть истории исторической науки. Горячий сторонник изучения истории науки В. И. Вернадский считал, что «развитие науки и техники по своим значимым последствиям, по воздействию на человеческую жизнь не идет ни в какое сравнение с развитием политических устройств, гражданского общества, с достижениями искусства или архитектуры», однако «... работы по исторической реконструкции динамики науки и техники находится пока в зачаточном состоянии. Мы видим результаты, но не умеем проследивать процессы, которые привели к таким результатам» [4].

Работы В. И. Вернадского по истории науки содержат немало методологических положений, которые столетие спустя вполне актуально звучат применительно к истории исторической науки. Ценными являются его мысли об эпистемологической роли истории знания: «Научная работа, – писал Вернадский в 1927 г., –

есть осознание действительности, выражение ее в формах закона разума. Такое осознание неизбежно требует постановки всякого достижения и всякой изучаемой проблемы в исторические рамки; мысль, в формах академической жизни, по сути вещей, направляется на искание в прошлом корней нового достижения, новой проблемы, связывает идущую в кругу академии работу со всей прошлой деятельностью человечества в той же области. Ибо только при этом условии возможно понять новое; в старине всегда новизна слышится» [2, с. 256].

В этой емкой по содержанию цитате можно выделить три момента. Во-первых, утверждение, что цель научной работы заключается в познании («осознании») объективной действительности. Во-вторых, что окружающий нас мир познаваем, а результат такого познания должен выражаться в «формах закона». И, в-третьих, Вернадский, обогащенный собственным опытом научных изысканий (в то время ему было уже за 60 лет), подчеркнул преемственность в прогрессе научных открытий, проблем и идей. Последний аспект особенно важен для истории исторической науки: с одной стороны, он нацеливает на обнаружение исторических истоков современных концепций, поскольку это обстоятельство дает возможность без упущений учесть мировые научные тенденции; а с другой – увидеть в прошлом то, что сможет в недалеком будущем стать актуальной тематикой.

В статье «Памяти М. В. Ломоносова» (1911) Вернадский в несколько ином ключе сформулировал и развил эти мысли: «История научных идей никогда не может быть окончательно написана, т.к. она всегда будет являться отражением современного состояния научного знания в былом человечества. Каждое поколение пишет ее вновь. История биологии, написанная в эпоху Кювье [вторая половина XVIII – первая треть XIX в. – А. Б.], не может быть похожа на ту, которую даст последователь Дарвина... Человечество не только открывает новое, неизвестное, непонятное в окружающей природе – оно одновременно открывает в своей истории многочисленные забытые проблески понимания отдельными личностями этих, казалось, новых явлений. *Движение вперед обуславливается долгой, незаметной и неосознанной подготовительной работой поколений. Достигнув нового неизвестного, мы всегда с удивлением находим в прошлом предшественников* [выделено мною – А. Б.]» [1, с. 56].

Подытожив высказывания крупнейшего представителя научной мысли конца XIX – первой половины XX в. В. И. Вернадского, можно сделать следующий вывод: история науки – это «эффективный инструмент развития самой науки» [4]. Предпосылкой такой эффективности является тщательное изучение истории своей области деятельности.

История же исторической науки в последние 15–20 лет во многом сменила свою предметную палитру, фактически отказавшись от анализа хода развития исторических исследований как процесса познания смысла отечественного прошлого. Вместо этого историографию скрестили с исследовательской методикой, с изучением техники рождения исторического знания. Примечательно, что одна из известных работ последнего периода, призванная, кажется, заменить прежние учебные пособия по историографии, названа «История исторического знания» (М., 2004). В первом же предложении заявлена специфическая концепция издания: «В пособии представлена картина эволюции исторического знания, формирования последнего как научной дисциплины». Чуть ниже раскрывается сущность обновленных теоретических построений нового типа: «Сегодня существенно изменились представления о предмете истории историографии, модель историко-историографического анализа и сам статус дисциплины. На второй план отходит так называемая проблемная историография, акцент переносится на изучение функционирования и трансформации исторического знания в социокультурном контексте» [7, с. 3].

Бросается в глаза тот определяющий момент, что авторы не делают различия между научным и ненаучным знанием, хотя истории того и другого весьма не схожи. Тем не менее они объединили их истории довольно своеобразным способом, констатируя «специфику исторического познания и относительность критериев истинности и достоверности в историческом исследовании». И подкрепили свой тезис, на наш взгляд, сомнительным аргументом: «... историческое знание и предлагаемый им образ прошлого всегда субъективны, частичны в своей полноте и относительны в своей истинности. Признание собственной ограниченности вместе с тем не мешает историческому научному знанию [очевидно, имеется в виду полученный в результате научного исследования вывод о единстве научного и обычного знания? – А. Б.] быть рациональным,

обладающим собственным методом, языком и социальной значимостью» [7, с. 4].

Подобная трактовка задач историографии получила ныне заметное распространение, поэтому историю исторической науки стали практически отождествлять с историей знания о прошлом, что неверно по существу. Имеется много разновидностей знания о минувшем, истоком которого была школа, литература, кино, рассказы предков и т.д. Какое-то воздействие на общественное сознание оказала и историческая наука, но пока этот аспект крайне слабо изучен.

Научное знание о прошлом принципиально отличается от обычного как методом своего получения, проверки на достоверность, так и системой доказательств. Научное историческое знание характеризуется еще одним важным параметром – социальной функцией: истолкованием прошлого на основе тщательного исследования источников для раскрытия исторических корней настоящего («в старине всегда новизна слышится», по Вернадскому). Если лишит историческую науку этой ответственной функции, мы получим в меру правдивое повествование о прошлом, что-то вроде беллетристики. Она будет увлекательным чтением, но в социальном плане почти бесполезным.

Ориентация на общественные потребности начинает все настойчивее пробивать путь в современной историографии. Примером такого осознания могут служить новейшие работы Л. Зашкильняка. В монографии «Сучасна світова історіографія» (Львів, 2007) он писал: «Історичні знання завжди відігравали й відіграватимуть винятково важливу роль у житті суспільств і окремих особистостей. Без них неможливо ідентифікувати себе, спільноту і людство в сучасному світі, усвідомити сенс і характер міжлюдських взаємин, обирати соціальні та ціннісні орієнтації повсякденної життєдіяльності» [3, с. 3]. Социальные функции историографии обосновывали в своих новейших публикациях В. А. Муравьев, Л. П. Репина, Б. Г. Могильницкий и другие известные историки. Из зарубежных авторов можно назвать американца П. Стернса, француза П. Розваллона, итальянца Э. Агацци и др.

Некоторые украинские ученые прилагают немало усилий к тому, чтобы адаптировать иностранный исследовательский опыт к решению проблем отечественной историографии. Однако при

этом сбиваются на задачи познания прошлого вообще. Одним из новейших образцов таких усилий являются статьи Т. Н. Поповой. В недавней публикации «Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса» (2008) читаем: «История как рефлексивный ландшафт профессионального исторического знания, сфокусированный на познании самого познавательного процесса в области истории, переживает своеобразный период своего бытия: являясь «маркером идеологии профессионализма», стремительно расширяя в современном научном поле диапазон своего проникновения в исследовательскую практику, она, тем не менее, занимает «полумаргинальное положение» в «дисциплинарном семействе» исторических наук» [5, с. 42]. В следующей работе Т. Н. Попова по сути повторила свой взгляд на соотношение истории и историографии: «Современное научное движение характеризуется постоянно возникающими интеллектуальными «вызовами («поворотами») – социальным, антропологическим, культурологическим, лингвистическим, эстетическим, материальным и т.п. Каждый из них – своеобразный поиск нового ориентира в оптимизации познавательного процесса, некий эпистемологически-инструментальный идеал, на который с известной степенью периодичности направляется фокус исследовательского интереса ученых» [6, с. 266].

Думаю, Т. Н. Попова, искренне стремясь достойно ответить на «возникающие интеллектуальные вызовы», сосредоточила основные усилия на таких свойствах обновленной исторической науки, которые бы позволили достичь приемлемого уровня достоверности добываемого знания. Проблем же собственно историографии она почти не затрагивала. Подобных сочинений немало появлялось и в известном альманахе «Эйдос». В них много интересного, порой и ценного, но трудно отыскать такие насущные соображения, которые бы касались практического применения новых исследовательских приемов для углубления наших познаний о прошлом.

Спору нет, необходимо постоянное совершенствование приемов и методов исторического исследования, еще более ощущается недостаток разработок по теории и методологии истории, заброшенным участком много лет остается философия истории («историософия») [9, с. 65]. Все названные и неназванные «узкие места» современной исторической науки, а главное – степень нашего

осмысления отечественного и всемирного прошлого призвана вскрыть именно историография, именно *история исторической науки в истинном смысле этого термина*.

1. *Вернадский В. И.*. Памяти М. В. Ломоносова // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 55–58.
2. *Вернадский В. И.* Работы по истории знаний // Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 255–261.
3. *Зашкільняк Л.* Сучасна світова історіографія. – Львів, 2007. – 312 с.
4. *Кузнецова Н. И.* В. И. Вернадский как историк науки: методологические находки и парадоксы [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2013. – № 11. – С. 99–111. – Режим доступа : http://vphil.ru/index.php?option=com_content @ task=view@id=856 itemid=520.
5. *Попова Т. Н.* Историография сегодня: три штриха с резюме к проблеме институционального кризиса // Историографічні дослідження в Україні. – 2008. – Вип. 19. – С. 42–72.
6. *Попова Т. Н.* Историография в человеческом измерении // Историографічні дослідження в Україні. – 2012. – Вип. 22. – С. 265–292.
7. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. – М., 2004. – 288 с.
8. *Сахаров А. М.* О предмете историографических исследований // Сахаров А. М. Методология истории и историографии (статьи и выступления). – М., 1981. – С. 91–127.
9. *Удод О. А.* Розробка проблем теорії та методології історичної науки на сторінках «Українського історичного журналу» (1957–2007) // Український історичний журнал. – 2007. – № 6. – С. 55–67.

Болебрух А. Г. Істориографія – дисципліна-вигнанниця?

Стаття присвячена проблемі ролі й місця істориографії в структурі сучасної вітчизняної історичної науки. Дано аналіз точок зору деяких дослідників, які предмет істориографії зводять до питання теорії й методики пізнавального процесу. Викладені думки В. І. Вернадського про завданні історії науки та розглянута їх важливість для нового розуміння функцій істориографії.

Ключові слова: предмет та функції істориографії, сучасна вітчизняна історична наука, В. І. Вернадський.

Bolebruh A. G. Historiography – the outlaw discipline?

The article deals the role and place of the historiography in the structure of the modern national historical science. There were analyzed points of view of some researchers who reduced the object of the historiography to the theory and methodical of cognitive process. There cited of V.I. Vernadsky about the task of the history of science and its importance for the new understanding of the functions of the historiography.

Keywords: object and function of historiography, modern national historical science, V. I. Vernadsky.